

Богословско-историческая коллекция
Духовные учебные заведения
и духовное просвещение в России

Вознесенский П.Е.

КАЗАНЬ И КАЗАНСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Православная Богословская энциклопедия. Т. 7.
СПб., 1906. Ст. 791-820

© Сканирование и создание электронного варианта:

Учебный комитет РПЦ
www.uchkom.info

Казанская духовная семинария
www.kazds.ru

Издательство «Аксион эстин»
www.axion-estin.ru

Духовно-просветительский
центр «Иліотропіонъ»
<http://andreyblag.ru>

Москва, 2014

Шатьма Малая.
Юмандыхъ.
Ямашево.
Янгорчино.
Яндобы.

Янишево.
Яушево Большое.

МОНАСТЫРИ.

Въ уѣздѣ.

Второкл. муж. пер.-пр. шк. Александринскій (Кошлоушскій) жен. монастырь.
в с. **Больш. Чурашевѣ.**

Благочиніе единовѣрческихъ церквей казанской епархіи.

- 1) Четырехъ-Евангелистовская церковь въ г. Казани.
- 2) Никольская цер. въ г. Казани.
- 3) Троицкая церковь въ с. Абалдуевкѣ, спасскаго у.
- 4) Покровская церковь въ с. Марьинѣ, тетюшкаго у.
- 5) Преображенская церковь въ дер. Котердиной, тетюшкаго у.
- 6) Успенская церковь въ с. Соболевскомъ, свіяжскаго у.

Иванъ Покровскій.

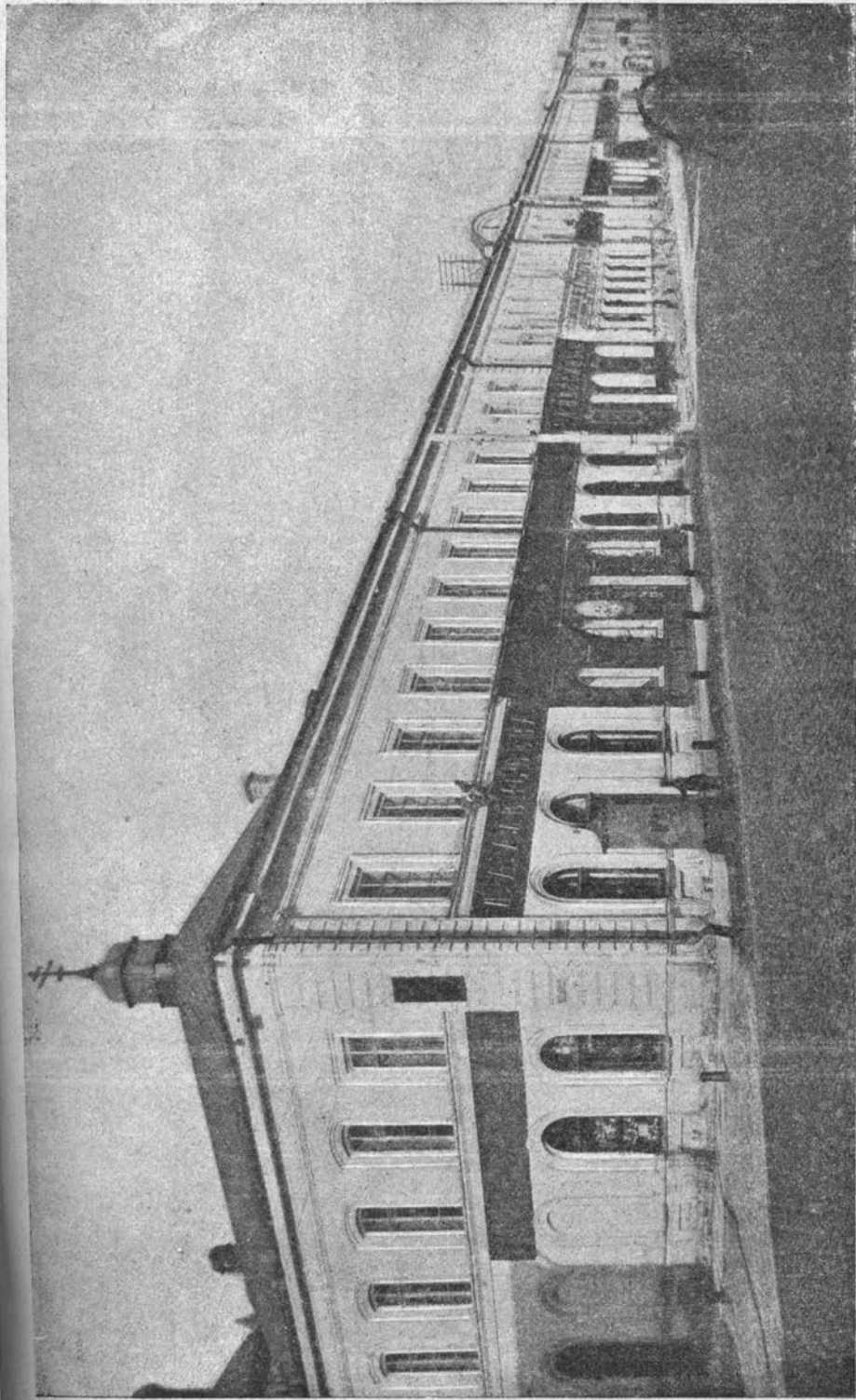
Казань и Казанская Духовная Академія.

I.

Старая Казанская Духовная Академія (1797—1818 гг.). Исторія старой (1797—1818 гг.) Казанской Духовной Академіи тѣсно связана съ исторіей Казанской Духовной Семинаріи, которая ведетъ своё начало съ 18 марта 1723 г., когда она, согласно указамъ Св. Синода отъ 6 декабря 1722 г. и 15 января 1723 г., была открыта митрополитомъ казанскимъ Тихономъ III (1700—1724 гг.) при его архіерейскомъ домѣ въ видѣ школы священно-и-церковно-служительскихъ дѣтей для обученія ихъ въ „надежду священства“ грамматикѣ и букварямъ; школа эта, носившая наименованіе Казанской архіерейской славяно-латинской школы, при казанскомъ архіепископѣ Иларіонѣ Рогалевскомъ (1732—1735 гг.) въ 1733 г. была переименована въ семинарію и преобразована по всеѣмъ регуламъ, начертаннымъ для семинаріи духовнымъ регламентомъ, по образцу кіевской Академіи. Благодаря неуныннымъ заботамъ о ней со стороны казанскихъ іерарховъ—ревнителей духовнаго просвѣщенія, въ особенности Иларіона Рогалевскаго, Луки Конашевича (1738—1755 гг.), Веніамина Пуцекъ-Григоровича (1762—1782 гг.) и Амвросія Подобѣдова (1785—1799 гг.), казанская Семинарія къ концу XVIII вѣка достигла въ учебномъ отношеніи цвѣтущаго состоянія, успѣла сравняться съ главною Александровскою Семинаріей и учебными порядками походила на кіевскую Академію, питомцы которой—по приглашенію казанскихъ архіереевъ—обыкновенно занимали въ ней учи-

тельскія должности; она сдѣлалась такимъ образомъ мѣстомъ высшаго богословскаго образованія и рассадникомъ учителей для другихъ, ближайшихъ семинарій. Въ 1793—1795 гг. Св. Синодъ, озабоченный улучшеніемъ духовно-учебныхъ заведеній, предположилъ раздѣлить все семинаріи на четыре учебные округа, съ подчиненіемъ ихъ четыремъ Академіямъ. Въ это время впервые и предположено было казанскую Семинарію возвести на степенъ Академіи для восточнаго духовно-учебнаго округа. *Возведеніе это состоялось въ 1797 г., въ царствованіе Императора Павла I, который указомъ отъ 18 декабря 1897 г. повелѣлъ учредить, сверхъ бывшихъ доселѣ двухъ Академій—Московской и Кіевской, еще двѣ въ С.-Петербургѣ, при Александровскомъ монастырѣ, и въ Казани, вмѣсто находившихся тамъ Семинарій; другимъ Высочайшимъ указомъ, отъ 11 января 1798 года, предписано было присылать въ означенныя четыре Академіи лучшихъ учениковъ изъ Духовныхъ Семинарій ихъ округовъ „для усовершенствованія въ познаніи высшихъ наукъ и образованія къ учительскимъ должностямъ“; въ Казанскій духовно-учебный округъ, подвѣдомый казанской Академіи, вошло шесть семинарій: астраханская, тобольская, нижегородская, вятская, тамбовская и иркутская.*

Помѣщеніемъ для Старой Казанской Академіи послужили тѣ зданія, которыя до того времени занимала казанская Семинарія и которыя послѣдняя снова заняла послѣ состоявшагося въ 1818 году закрытія Академіи; эти зданія—каменные и находятся въ центрѣ г. Казани, на главной ея улицѣ (Воскресенской), близъ Петропавловскаго

Здание Казанской Духовной Семинарии, гдѣ помѣщалась во все время своего существованія старая Казанская Академія; въ нижнемъ этажѣ представленнаго семинарскаго корпуса находятся магазины, въ верхнемъ помѣщается самая семинарія; въ угловомъ помѣщеніи, надъ которымъ возвышается крестъ, устроена семинарская церковь; за семинарскимъ корпусомъ видна часть Петропавловскаго собора.

собора, между Петропавловскою и Гостинодворскою улицами; постройка ихъ начата была въ 1734 г. архіепископомъ казанскимъ Иларіономъ Роголевскимъ и окончена въ 1754 г. архіепископомъ Лукой Ковашевичемъ, которому особенно много пришлось потрудиться надъ этимъ дѣломъ, такъ какъ во время его святительства въ Казани семинарскія зданія трижды—въ 1742, 1749 и 1752 гг.—подвергались пожарамъ; но и послѣ этого зданіямъ Семинаріи, до открытія въ нихъ Академіи, суждено было еще три раза горѣть: въ 1765 и 1774 гг., когда Казань была испепелена Пугачевымъ, и въ 1797 г., предъ самымъ открытіемъ Академіи; въ періодъ времени, когда въ стѣнахъ этихъ зданій помѣщалась Академія, именно 3 сентября 1815 г., они снова пострадали отъ большого пожара, которымъ было истреблено въ Казани 70 кварталовъ, 1.500 домовъ и 19 церквей; въ Академіи сгорѣли: учительскіе покои, комнаты для казеннокоштныхъ учениковъ, классныя помѣщенія, зало для собранія, больница, правленіе съ архивомъ, кладовая, конюшни, сѣнницы, кухня, служительскія комнаты и лавки, находившіяся въ академическихъ зданіяхъ; зданіе же фундаментальной бібліотеки уцѣлѣло; книги этой бібліотеки, за немногимъ исключеніемъ, а также книги бібліотеки для чтенія были спасены; при этомъ немало потерпѣли отъ пожара и наставники; ученія продолжать было невозможно, и академики почти всѣ были распущены по домамъ. На поправленіе зданій духовнаго вѣдомства, пострадавшихъ отъ пожара, и на вознагражденіе лицъ того же вѣдомства, потерпѣвшихъ убытки отъ пожара, было ассигновано изъ средствъ комиссіи духовныхъ училищъ 100,000 руб., изъ которыхъ 17.875 руб. были назначены на возобновленіе академическихъ зданій, 5.215 р. на вознагражденіе учителей, 600 р. на служителей и 5.000 р. на учениковъ. Благодаря этой помощи, академическія зданія къ январю 1816 г. были уже настолько отстроены, что въ нихъ можно было начать учебныя занятія; окончательно же все было отстроено къ августу 1817 г.; въ этомъ дѣлѣ много потрудился занимавшій тогда архіерейскую кафедру въ Казани архіепископъ Амвросій Протасовъ (1816—1826 гг.),

иногда самолично принимавшій строительные матеріалы. Между прочимъ, въ академическихъ зданіяхъ были устроены преосвященными Амвросіемъ Подобѣдовымъ и Амвросіемъ Протасовымъ лавки и подвалы, которые Академія отдавала торговцамъ въ аренду ¹⁾.

На содержаніе академіи по штату отпускалось сначала 10.000 р., съ 1802 г.—10.230 р., а съ 1808 г.—20.460 руб. Деньги эти были распределены по слѣдующимъ статьямъ: а) на жалованье ректору съ учителями, на академическое правленіе и на писцовъ, б) на умноженіе бібліотеки, в) на содержаніе воспитанниковъ, г) на содержаніе больницы, д) на жалованье лѣкару съ его помощниками, е) на содержаніе дома и ж) на жалованье служащимъ. Кромѣ штатной суммы, содержаніе Академіи обезпечивалось неокладной суммой, составившейся: а) изъ остаточныхъ экономическихъ денегъ, б) изъ пожертвованій епархіальныхъ архіереевъ, монастырей и духовенства, в) изъ денежныхъ штрафовъ, взыскивавшихся съ священноцерковно-служителей за позднюю явку изъ дѣтей послѣ отпусковъ и г) особенно изъ платы за аренду лавокъ и подваловъ, устроенныхъ преосвященными Амвросіемъ Подобѣдовымъ и Амвросіемъ Протасовымъ въ академическомъ зданіи, а также изъ платы за отданныя подъ гарнизонный лазаретъ зданія новокрещенскихъ школъ, которыя въ 1800 г. были закрыты и зданія которыхъ вмѣстѣ съ церковію были причислены къ Академіи; въ академическомъ зданіи отдавалось въ аренду всего 39 лавокъ, и за нихъ арендной платы получалось съ 1813 г. по 4.665 руб. въ годъ. Къ 1816 г. всей неокладной суммой было 18.095 р. Сумма эта шла на награды наставникамъ, на добавочное содержаніе воспитанниковъ, на бібліотеку и содержаніе дома. Жалованье распределяли наставникамъ сами архіереи, при чемъ принимали во вниманіе важность преподаваемыхъ предметовъ, званіе и годы службы препода-

¹⁾ Академическимъ зданіямъ въ 1842 г., когда въ ихъ стѣнахъ снова помѣщалась духовная семинарія, привелось еще разъ стать жертвой пожара, послѣ котораго они въ продолженіе двадцати лѣтъ представляли собою обезображенный остовъ.

вателей и их усердіе въ дѣлѣ преподаванія; молодые наставники получали сначала въ годъ по 30, 40, 50 и 75 р., заслуженные же и преподававшіе по нѣскольку предметовъ получали по 400, 450 и даже 600 рублей. Многіе наставники преподавали по два и по три предмета, отчего и содержаніе, получавшееся ими, увеличивалось; существовавшія при Академіи должности надзирателей, комиссаровъ, библиотечкаря, секретаря распределялись также между наставниками и доставляли имъ особое жалованье. За успѣшное прохожденіе своей должности наставники низшихъ классовъ переводились архіереями въ высшіе классы, гдѣ возвышался и окладъ ихъ жалованья, а на ихъ мѣста опредѣлялись благонадежные студенты, окончившіе или еще только окончивающіе курсъ въ Академіи. Кромѣ жалованья, наставники и чиновники Академіи получали предъ праздниками Пасхи и Рождества Христова денежные награды, размѣръ которыхъ каждому лицу опредѣлялся также самими архіереями: многіе наставники, находясь при Академіи, въ то же время занимали выгодныя должности при монастыряхъ и приходскихъ церквахъ; нѣкоторые изъ наставниковъ—священниковъ, кромѣ своихъ мѣстъ въ Казани, числились священниками еще при какой-либо церкви въ двухштатномъ или трехштатномъ приходѣ и пользовались священническими доходами по этимъ должностямъ; священническія мѣста съ доходами отъ нихъ зачислялись также и за свѣтскими наставниками; почти всѣ наставники пользовались казенными квартирами, а тѣ изъ нихъ, которые проходили должность надзирателей, пользовались и столомъ воспитанниковъ. Монашествующіе наставники возводились въ соборные іеромонахи и получали жалованье по 128 р. въ годъ изъ монастыря, при которомъ числились. По сохранявшимся вѣдомостямъ, окладъ содержанія ректора въ 1804 г. равнялся 300 р., включая сюда и жалованье за преподаваніе богословія, съ 1807 же г. равнялся 500 р.; вообще же окладъ содержанія его измѣнялся, смотря по тому, былъ онъ настоятелемъ монастыря или нѣтъ.—Способы содержанія бѣдныхъ воспитанниковъ Академіи были слѣдующіе: а) казенное содержаніе—полное и половинное, обезпечивавшееся какъ штатною суммой,

такъ и разными пожертвованіями и неокладной суммой; б) предоставленіе доходовъ отъ священно-и-церковно-служительскихъ мѣстъ, которыя оставались для того на нѣкоторое время праздными; в) жалованье, выдававшееся ученикамъ низшихъ классовъ въ размѣрѣ отъ 15 до 20 р., студентамъ же—въ размѣрѣ отъ 25 до 30 р., на что выдѣлялось изъ штатнаго оклада отъ 100 до 300 р.; кромѣ того, архіепископъ казанскій Павелъ Зерновъ (1803—1815 г.) нѣкоторыхъ сиротъ содержалъ жалованьемъ изъ своихъ средствъ; г) временное проживаніе бѣдныхъ воспитанниковъ въ бурсѣ, съ предоставленіемъ имъ стола; на счетъ архіепископа Павла Зернова постоянно кормились въ Академіи бѣдные ученики; д) разнообразная выдача академистамъ денегъ изъ сиротской (составлявшейся изъ пожертвованій) или неокладной суммы „впредь до полученія доходныхъ денегъ отъ предоставленныхъ мѣстъ“ или „впредь до опредѣленія къ мѣстамъ“.

Академія состояла подъ *главнымъ наблюдениемъ мѣстнаго архіерея*, который, какъ главный начальникъ и хозяинъ ея, самъ назначалъ для нея ректора и префекта, выбиралъ, опредѣлялъ и увольнялъ наставниковъ и вообще слѣдилъ за всею ходомъ ея жизни. *Ближайшее управленіе* дѣлами Академіи принадлежало академическому Правленію, въ составъ котораго входили ректоръ и префектъ, а съ 1816 г., когда архіепископомъ Амвросіемъ Протасовымъ учреждена была въ Академіи инспекторская должность, и инспекторъ. Дѣлопроизводство по Правленію до октября 1817 г. лежало на двоихъ письмоводителяхъ, избравшихся изъ воспитанниковъ Академіи, съ октября же 1817 г.—на секретарѣ изъ наставниковъ Академіи. Ректоръ, состоявшій обыкновенно въ санѣ архимандрита, былъ непосредственнымъ начальникомъ Академіи; онъ завѣдывалъ преимущественно учебною частію; префектъ былъ помощникомъ ректора по дѣламъ управленія, но, кромѣ того, на немъ лежала нравственная (инспекторская) и экономическая часть; помощниками префекта были надзиратели изъ наставниковъ и студенты, носившіе въ этомъ случаѣ званіе сеніоровъ и классовыхъ, камерныхъ и церковныхъ смотрителей; исполнительная власть

по хозяйственной части лежала на комиссарѣ; съ учрежденіемъ въ Академіи должности инспектора, наблюденіе за нравственностью и экономическою частію отъ префекта перешла къ нему.

Курсъ ученія въ академіи былъ весьма обширный и продолжался до 14—15 лѣтъ, такъ какъ Академія совмѣщала въ себѣ не только высшее духовно-учебное заведеніе, но также среднее и низшее съ przygotowательными классами; въ ней были слѣдующіе классы: первый, второй и третій русскіе классы, носившіе названіе русской школы, затѣмъ собственно академическіе классы: низшая информаторія, высшая информаторія, грамматика, синтаксима, пѣтика, риторика, философія и богословія; въ русскихъ классахъ, первомъ и второмъ, ученіе продолжалось по одному году, въ третьемъ—два года, въ низшей и высшей информаторіи, въ грамматикѣ, синтаксимѣ и пѣтикѣ—по одному году, въ риторикѣ и философіи—по два года, въ богословіи—три года. Воспитанники русской школы, а также низшихъ и среднихъ классовъ Академіи до риторики включительно назывались учениками, воспитанники же старшихъ классовъ, философіи и богословія, назывались студентами. Въ русскіе классы поступали такіе ученики, которые не были достаточно подготовлены къ занятіямъ въ информаторіи, и въ этомъ отношеніи классы эти имѣли значеніе подготовительныхъ, но они имѣли также и самостоятельное значеніе, ибо въ нихъ учились и такіе ученики, которые признавались неспособными къ ученію въ академическихъ классахъ, почему ихъ и помѣщали въ русскіе классы, чтобы дать имъ возможность подготовиться къ занятію причетническихъ должностей; въ эти классы посылались также малограмотные причетники, діаконы и даже священники. Русскіе классы, или русская школа, открыты были въ 1803 г. и существовали до 1816—1817 гг.; архіепископъ Амвросій Протасовъ, найдя ихъ не только бесполезными, но и вредными для просвѣщенія духовенства, въ 1816 г. предписалъ Правленію Академіи закрыть второй и третій русскіе классы, а въ слѣдующемъ, въ 1817 г., само Правленіе закрыло и первый классъ, какъ несовмѣстный съ Академіею и не положенный новымъ уставомъ (изд. 1814 г.),

способствующій только развитію лѣни въ учащихся.—Учебные предметы въ Академіи раздѣлялись на главные и второстепенные. Классы второстепенныхъ предметовъ назывались экстраординарными въ отличіе отъ классовъ главныхъ предметовъ, которые назывались классами ординарными. Къ экстраординарнымъ классамъ относились: классъ математики, краснорѣчія, церковной исторіи, всеобщей исторіи, географіи, классы греческаго, еврейскаго и татарскаго языковъ, классы новыхъ языковъ, рисовальный, пѣвческій и классъ медицины, существовавшій съ 1803 до 1808 г. Въ русской школѣ были слѣдующіе учебные предметы: чтеніе славянской и гражданской печати, руссійское чистописаніе, обиходное пѣніе по нотамъ, краткая руссійская грамматика, священная исторія, катихизисъ, христіанское богословіе Платона, уставъ церковный съ практикою въ церкви, географія всеобщая и руссійская, краткая исторія всеобщая и руссійская, арифметика, пасхадія, краткая логика, краткая риторика, о должности человѣка и гражданина, о должности пресвитеровъ приходскихъ, руководство къ чтенію Свящ. Писанія, рисованіе и, по желанію, греческій и латинскій языки; ученикамъ третьяго русскаго класса, кромѣ того, давались мелкія сочиненія по правиламъ риторики. Въ собственно академическихъ классахъ учебными предметами служили: священная исторія, катихизисъ краткій и пространный, исторія церкви ветхозавѣтной и новозавѣтной, исторія русской церкви съ историческимъ изясненіемъ всѣхъ частей богослуженія греко-руссійской церкви, догматико-poleмическое богословіе съ переводомъ сочиненій св. отцевъ о богословскихъ предметахъ, нравственное богословіе, герменевтика, чтеніе Свящ. Писанія съ объясненіемъ труднѣйшихъ мѣстъ, чтеніе Кормчей книги и Книги о должностяхъ приходскаго священника, исторія философіи, нравственная философія, или нравоученіе, съ чтеніемъ Книги о должностяхъ человѣка и гражданина, метафизика, логика, начальныя основанія психологіи, риторика, включавшая теорію словесности и отчасти гомилетику, пѣтика съ мѣлологіей, высшее латинское и руссійское краснорѣчіе, математика, включавшая арифметику, геометрію, алгебру и плоскую тригонометрію съ приложеніемъ

практическаго землемѣрія, пастхалія, физика, натуральная исторія, географія математическая и политическая, исторія всеобщая и русская, языки: русскій, славянскій, греческій, латинскій, нѣмецкій, французскій, еврейскій, татарскій, рисованіе и живопись, для любителей съ правилами архитектуры гражданской и церковной, пѣніе обиходное и партесное и медицина. По воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, предъ литургіей, воспитанники Академіи обязательно слушали производившееся особымъ катихизаторомъ изъ наставниковъ публичное толкованіе катихизиса и Свящ. Писанія. Кромѣ уроковъ въ Академіи, студенты ея, по распоряженію преосвященныхъ Павла Зернова и Амвросія Протасова, слушали лекціи въ казанскомъ Университетѣ по логикѣ, метафизикѣ, эстетикѣ, моральной философіи, риторикѣ, греческому, латинскому, нѣмецкому и французскому языкамъ, математикѣ, физикѣ и химіи. Наконецъ, въ академическомъ курсѣ большое мѣсто было отведено письменнымъ работамъ: воспитанниками Академіи составлялись диссертациі на латинскомъ и русскомъ языкѣ, проповѣди и разсужденія на богословскіе предметы и на трудныя мѣста Свящ. Писанія, хриі, письма, рѣчи, разные пьесы и стихи на русскомъ и латинскомъ языкѣ и т. д. Изъ всѣхъ предметовъ академическаго курса главнѣйшимъ предметомъ изученія почти во всѣхъ классахъ былъ латинскій языкъ; въ философскомъ и богословскомъ классахъ на немъ читались лекціи; студенты въ этихъ классахъ говорили полатыни, а ученики риторики и пѣтики писали латинскіе стихи. Большое вниманіе обращалось также и на изученіе языковъ греческаго, еврейскаго, французскаго и нѣмецкаго; греческій языкъ былъ обязателенъ для студентовъ богословія, философіи и учениковъ риторики и пѣтики, но его изучали по собственному желанію и нѣкоторые ученики синтаксисы, грамматики и русской школы; для студентовъ богословія и философіи обязателенъ былъ также еврейскій языкъ; изъ новыхъ языковъ обязательно было изученіе одного, французскаго или нѣмецкаго; но лучшіе воспитанники занимались обоими этими языками; нѣкоторые студенты могли свободно объясняться на томъ или другомъ языкѣ и писать на немъ сочиненія.

При академіи существовала *библіотека*, состоявшая изъ трехъ отдѣловъ: а) библиотеки собственно фундаментальной, б) продажной (учебной) и в) библиотеки чтенія. Фундаментальная библіотека была унаследована Академіею отъ Старой Казанской Семинаріи. Въ послѣдней же начало этой библиотекѣ было положено въ срединѣ XVIII столѣтія епископомъ казанскимъ Лукою Кошачевичемъ, который пожертвовалъ въ семинарію всю свою богатую по тому времени библіотеку, заключающую въ себѣ значительное количество твореній св. отцовъ и учителей Церкви, прекрасныя изданія Библии, лучшія толкованія на Свящ. Писаніе и много другихъ книгъ; затѣмъ, въ 1783 г. митрополитъ казанскій Веніаминъ Пуцкѣ-Григоровичъ отказалъ семинаріи всѣ свои книги, оставшіяся у него отъ пожертвованной имъ въ кievскую Академію библиотеки; архіепископъ Амвросій Подобѣдовъ опредѣлялъ ежегодно отпускать на увеличеніе семинарскаго библиотечнаго фонда, сверхъ штатной суммы, значительное количество денегъ изъ неокладной суммы. Такимъ образомъ во времени преобразования въ 1797 г. казанской Семинаріи въ Академію въ библиотекѣ ея имѣлось книгъ, на языкахъ латинскомъ, греческомъ, нѣмецкомъ, французскомъ и русскомъ, по свидѣтельству А. Можаровскаго, 1287 №№, а по свидѣтельству А. Благовѣщенскаго, 1,370 названій, изъ которыхъ многія заключали въ себѣ по нѣскольку томовъ, а нѣкоторыя были въ нѣсколькихъ экземплярахъ; по своему содержанию книги раздѣлялись на слѣдующіе отдѣлы: а) богословскій, б) философскій, в) риторико-пѣтическій, г) историко-географическій и математическій, д) грамматическій и филологическій и е) отдѣлъ книгъ разнаго содержанія. Въ послѣдующее время библіотека Академіи увеличилась, благодаря пожертвованіямъ, покупкамъ и доставленію книгъ по распоряженію правительства. Въ числѣ жертвователей были архіепископы казанскіе Амвросій Подобѣдовъ и Серапіонъ Александровскій, епископъ вологодскій Евгеній Волховитиновъ, впоследствии митрополитъ кievскій, игуменъ Задонскаго монастыря Самуиль, тайный совѣтникъ и сенаторъ И. В. Лопухинъ. На покупку книгъ для библиотеки и вообще на ея содержаніе до 1807 г. ассигновалось ежегодно изъ штатныхъ суммъ,

отпускавшихся на Академію, по 300 р., а съ 1807 г.—по 600 р.; кромѣ того, архіепископы Амвросій Подобѣдовъ, Павелъ Зерновъ и Амвросій Протасовъ отдѣляли на бібліотеку значительную часть неокладной суммы. По распоряженію правительства въ бібліотеку присылались изъ Университетовъ и Академій разсужденія, читанныя въ торжественныхъ собраніяхъ, журналы засѣданій конференцій, труды академическихъ и университетскихъ профессоровъ, различныя изданія Комиссіей духовныхъ училищъ и Библейскаго Общества. Въ 1818 г. начала составляться бібліотека церковно-богослужебныхъ книгъ, какъ особый отдѣлъ фундаментальной бібліотеки. Такимъ образомъ въ продолженіе 20-лѣтняго существованія Старой Казанской Академіи фундаментальная бібліотека ся возросла до 3.500 названій. Въ этомъ собраніи встрѣчаемъ замѣчательныя изданія, таковы: Библія Полиглотта въ 6-ти томахъ (изд. 1657 г.), Библія греко-латино-нѣмецкая въ 2-хъ томахъ (изд. 1596 г.), творенія Климента римскаго (изд. 1569 г.), Амвросія медіоланскаго (1516 г.), Іоанна Дамаскина (изд. 1548 г.), жизнеописанія Плутарха, философа херонейскаго (8 частей), сочиненія Діодора сицилійскаго (6 частей), Юсіафа Флавія (2 части), Словарь историческій (12 частей), Извѣстія византійскихъ историковъ (4 части), Словарь російскихъ государей, древнѣйшія изданія греческихъ и римскихъ классиковъ. Изъ періодическихъ изданій въ разное время выписывались въ фундаментальную бібліотеку: Вѣстникъ Европы, Патриотъ или журналъ воспитанія, Политическій Журналъ, Другъ просвѣщенія, Сѣверный Вѣстникъ, Лицей, Русскій Вѣстникъ, Историческій Журналъ, Сионскій Вѣстникъ, Московскія и Русскія Вѣдомости, Сынъ Отечества, Русскій Инвалидъ и французская газета L'Abelle du Nord. Продажная бібліотека состояла изъ учебниковъ, пріобрѣтавшихся для продажи воспитанникамъ: но, вслѣдствіе дороговизны этихъ книгъ, воспитанники покупали ихъ не особенно охотно, и многіе изъ нихъ учились безъ своихъ учебниковъ, а другіе не платили денегъ за купленные ими учебники. Бѣднымъ воспитанникамъ учебники выдавались изъ этой бібліотеки безденежно. Въ 1808 г. архіепископомъ Нав-

домъ Зерновымъ была открыта при Академіи бібліотека чтенія; архіепископъ самъ составилъ и правила для нея; кромѣ наставниковъ и воспитанниковъ Академіи, имѣли доступъ къ ней и жители г. Казани за извѣстную плату, которую бібліотекарь бралъ впередъ за цѣлый годъ; сумма этихъ сборовъ колебалась между 40 и 100 руб. Эта бібліотека составила въ началѣ отъ пожертвованій деньгами и книгами, а потомъ существовала частью на счетъ читателей, частью на счетъ неокладной суммы. Въ 1818 г. книгъ для нея было пріобрѣтено на 2.932 р. 59 к. Въ это время она заключала въ себѣ 522 названія и состояла изъ книгъ исключительно на русскомъ языкѣ. Въ нее выписывались всѣ новости тогдашней литературы, образцовыя сочиненія и періодическія изданія. Между имѣвшимися въ ней книгами замѣчательны: Географическій словарь російскаго государства (40р.), сочиненія Ломоносова, Всемирный путешествевникъ (50 р.), проповѣди Стефана Яворскаго (10 р.), проповѣди митрополита Платона (40 р.), Діодора сицилійскаго бібліотека (30 р.), Древняя Вивлюонка (50 р.), Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ (30 р.).

Начальниками и наставниками Старой Казанской Академіи назначались лица, получившія образованіе въ Кіевской Академіи, въ Александроневской Семинаріи, въ С.-Петербургской Духовной Академіи и, наконецъ, въ той же Казанской Академіи. Среди нихъ были люди способные и знатоки своего дѣла, нѣкоторые изъ нихъ оставили послѣ себя печатные и рукописные труды. Такъ, первый по времени ректоръ Академіи архимандритъ Сильвестръ Лебединскій издалъ сочиненія: а) Неглѣнная пища, или душеспасительныя размышленія, два изданія, Москва 1794 и 1799 г., б) Приточникъ евангельскій, или изъясненіе притчей, во святомъ Евангеліи обрѣтающихся, въ 2-хъ частяхъ, два изданія, Москва 1796 и 1807 г., и в) курсъ читаныхъ имъ въ Казанской Академіи богословскихъ лекцій, на латинскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: Compendium Theologiae classicum, два изданія, Спб. 1799 г. и Москва 1808 г. Другой ректоръ, архимандритъ Леонасій Протопоповъ (скончался въ 1842 г., тобольскимъ архіепископомъ) магистръ I кур-

са С.-Петербургской Академіи, отличался обширною ученостію и прославился въ Казанской Академіи преподаваніемъ богословія: свои лекціи онъ импровизировалъ языкомъ яснымъ и отчетливымъ; въ нихъ онъ широко пользовался работами ученыхъ по герменевтикѣ, исторіи и археологіи; во время кратковременнаго (съ марта 1716 до августа 1817 г.) пребыванія своего въ Казани, онъ занимался, между прочимъ, изысканіями въ области церковныхъ древностей. Учитель татарскаго языка свѣщ. Александръ Троянскій составилъ татарскую грамматику и татарско-русскій словарь, въ 2-хъ частяхъ; и грамматика и словарь были изданы Коммиссіею духовныхъ училищъ на казенный счетъ. Хотя татарскій языкъ не былъ предметомъ, обязательнымъ для всѣхъ воспитанниковъ Академіи, и хотя число желавшихъ изучать его было не велико (отъ 20 до 100 челов.) сравнительно съ общимъ числомъ воспитанниковъ, тѣмъ не менѣе занятія съ ними учителя Троянскаго не были безуспѣшны, доказательствомъ чего можетъ служить сдѣланный въ 1815 г. однимъ изъ его учениковъ, ритормомъ Алексѣемъ Онисифоровымъ, переводъ на татарскій языкъ „Священной исторіи для малолѣтнихъ дѣтей съ краткими вопросами и отвѣтами сочиненной“: по отзыву извѣстнаго казанскаго ориенталиста Н. И. Ильминскаго, этотъ переводъ выполненъ довольно удовлетворительно: онъ, впрочемъ, не былъ напечатанъ въ подлинной рукописи переводчика хранится въ настоящее время въ фундаментальной бібліотекѣ Новой Казанской Академіи. Упомянутый Онисифоровъ въ 1817 г., будучи студентомъ философіи, былъ назначенъ помощникомъ Троянскаго по классу татарскаго языка, а затѣмъ, когда въ 1823/4 учебн. году, Троянскій, удрученный болѣзнію, принужденъ былъ оставить преподаваніе татарскаго языка въ Казанской Семинаріи, въ которую была обращена Академія, Онисифоровъ, бывший тогда уже священникомъ въ симбирской губ., былъ вызванъ занять мѣсто Троянскаго. Учитель греческаго языка Тимофей Сагацкій подъ руководствомъ архіепископа Павла Зернова перевелъ съ греческаго языка на русскій толкованія воскресныхъ чтеній изъ Евангелія и Апостола, составленная архіепископомъ астраханскимъ Никифоромъ

Феотоки; переводъ этотъ издаетъ подъ заглавіемъ: „Толкованіе воскресныхъ евангелій и апостоловъ съ нравоучительными бесѣдами“: Сагацкій и его сотрудникъ по преподаванію греческаго языка свѣщ. Софроній Вѣляевъ знали этотъ языкъ въ совершенствѣ и не только литературный, но и разговорный; результаты ихъ занятій съ воспитанниками Академіи были таковы, что не только многіе изъ студентовъ богословіи и философіи, но даже нѣкоторые и изъ учениковъ риторики свободно переводили греческихъ авторовъ и писали сочиненія на греческомъ языкѣ: ученикъ риторики Петръ Вѣльскій въ 1815 г. перевелъ съ греческаго языка на русскій „полезныя мнѣнія различныхъ греческихъ писателей“, и этотъ переводъ съ приложеніемъ греческаго текста издалъ особою книжкой въ Москвѣ въ 1815 г. Учитель церковной исторіи прот. Гурій Ласточкинъ составилъ по предмету своихъ чтеній въ Академіи церковную исторію Вѣтхаго и Новаго Завета: онъ отличался большою научною любознательностію, о чемъ можетъ свидѣтельствовать имѣвшаяся у него собственная бібліотека, стоившая 6,000 р. (погибла въ пожаръ 3 сентября 1815 г.). Учитель еврейскаго языка свѣщ. Андрей Мироносцкій составилъ для воспитанниковъ Академіи еврейскую грамматику, которая и ходила между ними въ рукописи: уроки Мироносцкаго по еврейскому языку собирались слушать по собственному желанію нѣкоторые ученики риторики и шиткии, для которыхъ этотъ языкъ не былъ обязательнъ: подъ руководствомъ этого опытнаго наставника воспитанники переводили съ еврейскаго языка разныя мѣста Свящ. Писанія съ филологическимъ разборомъ и съ показаніемъ особенностей священнаго языка ¹⁾. Въ числѣ учителей Академіи нѣкоторое время находился Іакимъ Вичуринъ, знаменитый вполслѣдствіи миссіонеръ и синологъ („Правосл. Собес.“ за 1886 г., I, стр. 164—165). Слѣдуетъ упомянуть также объ учителѣ Михаилѣ Поли-

¹⁾ Какъ церковная исторія прот. Ласточкина, такъ и еврейская грамматика свѣщ. Мироносцкаго не были напечатаны и въ рукописяхъ хранится въ бібліотекѣ С.-Петербургской Духовной Академіи (*И. Чистовичъ. Исторія С.-Петербургской Дух. Академіи. Сиб. 1857, стр. 329.*)

новскомъ, съ 1805 до 1818 г. последовательно проходившемъ должности учителя информатори, грамматики, синтаксисы и риторики и, кромѣ того, во все указанное время преподававшемъ нѣмецкій языкъ; въ 1818 г. онъ былъ опредѣленъ адъюнктомъ латинскаго языка въ казанскій Университетъ: здѣсь, вмѣстѣ съ другимъ адъюнктомъ Университета—Рыбушкинымъ—онъ издавалъ въ теченіе 1832—1834 гг. журналъ „Заволжскій Муравей“, чѣмъ и было положено начало частной періодической прессы въ Казани (Н. Загоскинъ, „Спутникъ по Казани“, Казань 1895 г., стр. 373—375). Наконецъ, должно указать еще, какъ на замѣчательнаго педагога Старой Казанской Академіи, на инспектора ея архим. Израиля Звягинцева. Почти вся служебная дѣятельность его до назначенія на эту должность прошла на педагогическомъ поприщѣ: находясь въ свѣтскомъ званіи, онъ, между прочимъ, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ занималъ должность смотрителя народныхъ училищъ всей петербургской губерніи; въ августѣ 1816 г., когда онъ былъ настоятелемъ свѣяжскаго перво-класснаго Богородицкаго монастыря, архіепископъ Амвросій Протасовъ призвалъ его къ безвозмездному отправленію обязанностей инспектора въ Академіи: будучи опытнымъ и талантливымъ педагогомъ и любя педагогическое дѣло, онъ съ честью несъ эти обязанности до 1818 г., до времени закрытія Академіи. Кромѣ упомянутыхъ выше печатныхъ трудовъ наставниковъ Академіи и ректора ея архим. Сильвестра, въ печати имѣются также нѣкоторыя проповѣди и рѣчи, произнесенныя начальниками и наставниками Академіи въ разное время и по разнымъ обстоятельствамъ (нѣкоторыя изъ этихъ рѣчей напечатаны у Благовощенскаго, Исторія Старой Казанской Академіи, и у Можаровскаго, — Старая Казанская Академія).

Пріемъ *воспитанниковъ* въ низшіе академическіе классы производился два раза въ годъ: послѣ святокъ и послѣ лѣтнихъ каникулъ: пріемъ же изъ окружныхъ семинарій для обученія въ философскомъ и богословскомъ классахъ производился, — по изслѣдованію А. Благовѣщенскаго, чрезъ каждые два года, по изслѣдованію же А. Можаровскаго, — ежегодно въ сентябрѣ, такъ

какъ, — по словамъ послѣдняго, — переводъ изъ философіи въ богословію, а также и выпускъ студентовъ богословія изъ Академіи до 1815 г. производился ежегодно. При пріемѣ новыхъ учениковъ ректоръ Академіи обыкновенно назначалъ и фамиліи имъ. Экзамены воспитанниковъ производились по два раза въ годъ: въ концѣ сентябрьской или въ началѣ январьской трети (въ декабрѣ или въ январѣ) и въ концѣ или въ началѣ учебнаго года (въ юнѣ или въ сентябрѣ). Въ двухъ высшихъ классахъ значеніе экзаменовъ имѣли публичные диспуты, происходившіе по три раза въ годъ: предъ лѣтними каникулами, предъ праздниками Рождества Христова и Пасхи; о времени диспутовъ заранѣе публиковалось въ издававшейся въ Казани газетѣ; въ числѣ постороннихъ посѣтителей диспутовъ постоянно бывали профессора мѣстнаго Университета, изъ которыхъ одинъ, проф. Солнцевъ, любилъ и самъ принимать участіе въ диспутахъ. Переводъ воспитанниковъ изъ низшаго класса въ высшій производился, смотря по ихъ успѣхамъ: однихъ переводили чрезъ полгода, другихъ чрезъ годъ, третьихъ чрезъ два года и болѣе; учениковъ, не оказывавшихъ успѣховъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, обращали въ русскіе классы, какъ неспособныхъ къ высшему образованію; злонравныхъ же, строптивыхъ и своевольныхъ исключали. Число воспитанниковъ Академіи, — по свидѣтельству А. Можаровскаго, — было всегда велико и простиралось до 1,000, а въ 1818 г. даже до 2,000 человекъ; по свидѣтельству же А. Благовѣщенскаго, — число ихъ было только отъ 500 до 850, включая сюда учениковъ русской школы и инонаріхальныхъ, каковое число, впрочемъ, при архіепископахъ Павлѣ Зерновѣ и Амвросіи Протасовѣ годъ отъ года увеличивалось. Свидѣтельство Благовѣщенскаго, вѣроятно, относится къ первымъ годамъ существованія Старой Академіи, свидѣтельство же Можаровскаго — къ послѣднимъ годамъ, такъ какъ ссылки его относятся къ 1815 и 1818 гг. Въ частности, число учениковъ въ трехъ классахъ русской школы, — по свидѣтельству Благовѣщенскаго, — доходило до 150 и болѣе.

Академисты вставали въ пять час. утра, ложились въ девять час. вечера. Каждый

день начинался и оканчивался молитвой. Уроки были утренние и послѣобѣденные; каждый урокъ продолжался по часу. До 1817 г. уроки начинались съ семи час. утра и продолжались до шести и до семи час. вечера, съ промежуткомъ въ два часа для обѣда и отдыха. У студентовъ богословіи и философіи на слушаніе уроковъ было назначено отъ восьми до девяти час. въ день, у учениковъ риторики и пиитики—отъ восьми до десяти час., у учениковъ низшихъ классовъ—отъ семи до восьми час.; у послѣднихъ уроки начинались съ девяти час. утра. Съ 1817 г., по инициативѣ ректора архимандрита Теофана, введено было новое росписание учебныхъ часовъ, по которому на слушаніе уроковъ было положено въ каждомъ классѣ только по шести час. въ день, именно: утромъ—часы девятый, десятый, одиннадцатый и двѣнадцатый и пополудни—часы третій и четвертый. Время отъ конца уроковъ до девяти час. вечера шло на отдыхъ, приготовленіе уроковъ, ужинъ и чтеніе вечернихъ молитвъ. Студенты философіи и богословіи, для приобрѣтенія нѣкотораго понятія въ медицинѣ, поочередно посѣщали академическую больницу и ухаживали за больными; въ 1817 г. нѣкоторые изъ студентовъ и учениковъ риторики, по предложенію инспектора академіи архимандрита Израйля, изъявили желаніе записаться въ братья милосердія; на обязанности ихъ, — по правиламъ, составленнымъ архим. Израилемъ,—лежало „въ свободное время надзирать въ больницѣ, не ограничивая ни времени, ни числа посѣщеній, быть при раздаваніи лекарствъ и пищи, быть во время ночи при трудныхъ больныхъ попеременно, вникать въ недостатки больницы и замѣчать, что къ лучшему порядку можно устроить“. Въ воскресные и праздничные дни воспитанники Академіи ходили въ церковь къ богослуженію, причѣмъ съ половины седьмого часа до благовѣста къ обѣдѣ особый катихизаторъ изъ наставниковъ Академіи толковалъ для воспитанниковъ низшихъ классовъ катихизисъ, а для воспитанниковъ высшихъ классовъ—избранныя мѣста Свящ. Писанія. Въ Великомъ посту, по средамъ и пятницамъ, всѣ воспитанники также ходили къ литургии, а на первой и послѣдней недѣляхъ говѣли. За богослуженіемъ они принимали

участіе въ пѣніи и чтеніи. Для практическаго ознакомленія съ порядкомъ церковныхъ службъ ученики низшихъ классовъ должны были ежедневно, по очереди, отправлять всѣ службы въ Петропавловской церкви, въ воскресные же и праздничные дни всѣ воспитанники должны были по очереди исправлять клиросную должность; студенты богословіи произносили въ эти дни проповѣди своего сочиненія, для чего и были посвящаемы въ стихарь. Въ маѣ мѣсяцѣ для академистовъ устраивались за городомъ рекреаціи, на которыхъ присутвовали академическое начальство и наставники и сами архіепископы. Средствомъ для развлеченія академистовъ служила, между прочимъ, игра на „музыкальныхъ инструментахъ“; въ особенномъ употребленіи были кларнеты. Въ торжественныхъ случаяхъ,—напр., въ пріѣздѣ въ Казань новаго архипастыря,—академисты, со своими наставниками во главѣ, произносили рѣчи и стихотворенія на разныхъ языкахъ. По домамъ воспитанники Академіи распускались по четыре раза въ годъ: съ 15 іюля до 1 сентября, съ 21 декабря до 8 января, съ среды сырной недѣли до понедѣльника первой недѣли Великаго поста и на Пасху съ четверга Страстной недѣли. Студенты и ученики Академіи, по неизмѣннѣю родственниковъ остававшіеся на каникулярное время въ Академіи, рассылались по монастырямъ, гдѣ, въ благодарность за доставленный пріютъ, должны были нести монастырскія послушанія. Казеннокоштные академисты во внѣклассное время размѣщались въ спальныхъ камерахъ; въ каждой камерѣ находились воспитанники одного какого-либо класса. На каждого академиста полагалась сосновая кровать съ войлокомъ, одѣяломъ изъ солдатскаго сукна и подушкой, набитой шерстью. Изъ платья академистамъ выдавалось: на годъ—по двѣ перемѣны нижняго бѣлья, сапоги для лѣта, валенки для зимы и шейный платокъ, на два года—халатъ изъ ярославскаго затрапеза, на три года—сюртукъ и брюки изъ сѣраго сукна и кожаный картузь для зимы и для лѣта, на четыре года—нагольный тулупъ изъ русскихъ овчинъ, ученикамъ низшихъ классовъ до синтаксимы включительно сюртука и брюкъ не выдавалось, а вмѣсто сапоговъ они получали по три пары лаптей на лѣто.

Пища давалась простая и однообразная: въ скоромные дни щи съ мясомъ и каша съ коровинымъ масломъ, въ постные дни, по воскресеньямъ—капуста съ квасомъ, горохъ и каша, по праздникамъ—сверхъ того по фунту рыбы, въ остальные дни—щи, подбитыя мукой, и каша съ коноплянымъ масломъ. Такъ содержались академисты до вступленія на казанскую кафедру Высокопреосвященнаго Амвросія Протасова; при этомъ архіепископъ, входившемъ во всѣ мелочи учебной и экономической жизни Академіи, послѣдовало значительное улучшение какъ въ пищѣ, такъ и въ одеждѣ академистовъ.

Многіе изъ академистовъ, кромѣ учебныхъ занятій, отправляли и разныя другія обязанности какъ въ Академіи, такъ и внѣ ея, по назначенію начальства и по своему желанію. Такъ, для надзора за воспитанниками Академіи, начальствомъ назначались сеніоры изъ студентовъ богословія и смотрители камерные, квартирныя, церковныя и классныя, избравшіеся изъ студентовъ богословія и философіи, съ помощниками изъ учениковъ риторики и пѣнники; во всѣхъ классахъ кромѣ философіи и богословія, существовали аудиторы изъ лучшихъ учениковъ, выслушивавшіе предъ классами уроки своихъ товарищей; наконецъ, былъ еще дневной дежурный по корпусу, представлявшій префекту свѣдѣнія о благосостояніи въ корпусѣ за каждый истекшій день; обязанности дневного дежурнаго исполняли по очереди студенты философіи. Лучшимъ изъ студентовъ богословія, за немѣнимъ или отсутствіемъ учителей, поручалось отправленіе учительскихъ обязанностей; одному изъ такихъ студентовъ, Полянцеву, въ 1818 г. былъ порученъ даже классъ пѣнники. Въ классахъ рисованія и пѣнія, кромѣ студентовъ богословія, преподавали также студенты философіи и ученики риторики. На помощь академическому врачу изъ учениковъ академіи назначались такъ называвшіеся лекарскіе ученики, или подлекари; изъ академистовъ же назначались шисьмоводители въ академическое Правленіе и расходчики; одинъ изъ учениковъ риторики или изъ студентовъ жилъ у ректора и исправлялъ у него обязанности домашняго секретаря; иногда питомцевъ Академіи командировали для канцелярскихъ за-

нятій въ консисторію по требованію послѣдней; при отстройкѣ академическихъ зданій послѣ пожара 1815 г. ученики Академіи отряжались на помощь архитектору для веденія прихода и расхода строительныхъ матеріаловъ, присмотра за работами и т. п.; въ 1816 г., по распоряженію архіепископа Амвросія, нѣсколько студентовъ работало подъ руководствомъ архитектора надъ возобновленіемъ внутренней стѣнной живописи въ мѣстномъ кафедральномъ соборѣ и надъ копированіемъ плавовъ и фасадовъ этого собора и архіерейскаго дома. Академисты, обладавшіе голосовыми средствами, поступали въ пѣвчіе; изъ академистовъ составлялись хоры: академическій, ректорскій, пѣвшій въ Спасо-Преображенскомъ монастырѣ, и архіерейскій. Академисты, занимавшіе должности сеніоровъ, лекарскихъ учениковъ, шисьмоводителей Правленія и расходчиковъ, а также исправлявшіе должность наставниковъ, получали за исправленіе означенныхъ должностей особое вознагражденіе; состоявшіе архіерейскими пѣвчими также получали извѣстное жалованье и имѣли доходы; воспитанникъ, исправлявшій обязанности домашняго секретаря у ректора, пользовался ректорскимъ столомъ и казенною одеждою. Кромѣ того, воспитанники Академіи зарабатывали себѣ деньги чтеніемъ и пѣніемъ въ церквахъ, переплетнымъ мастерствомъ, исправленіемъ разныхъ должностей при архіерейскомъ домѣ и уроками въ купеческихъ и дворянскихъ семействахъ.

Отступленіе академистовъ отъ правилъ благоповеденія выражалось въ излишней рѣзвости, въ небрежномъ обращеніи съ казенными вещами, въ ослушаніи, дерзостныхъ поступкахъ, кулачныхъ бояхъ, нетрезвости, бѣгствѣ изъ Академіи и иногда въ любовныхъ похожденияхъ; были случаи, когда академистовъ привлекали даже въ уголовную палату и въ сѣзжій домъ. Наказанія за проступки практиковались слѣдующія: стояніе въ трапезѣ на колѣняхъ, уединенное заключеніе въ пустомъ покоѣ, оставленіе на повторительный курсъ, наказаніе розгою, лишеніе казеннаго содержанія и мѣсть съ полученіемъ доходовъ, исключеніе изъ Академіи до окончанія курса и исключеніе съ зачисленіемъ въ штатъ академическихъ служителей. Списки студентовъ и учениковъ съ отличнымъ поведеніемъ

прочитывались во всеуслышаніе на академическихъ испытаніяхъ. Въ воспитательномъ отношеніи особое попеченіе объ академистахъ имѣлъ инспекторъ академіи архим. Израиль. Онъ заботился не только о нравственномъ развитіи питомцевъ Академіи, но и о томъ, чтобы они умѣли прилично держать себя въ обществѣ и чтобы по вѣшнему виду, по приемамъ и обхожденію подходили на воспитанниковъ военныхъ и свѣтскихъ учебныхъ заведеній; съ этою цѣлью онъ показывалъ имъ „приемы людкости, свѣтскаго обхожденія и военной смѣлости“, ставилъ ихъ во фронтъ и училъ повоевному, въ церковь и въ столовую заставлялъ ходить безъ шума, въ порядкѣ, по два въ рядъ, при чемъ малые шли впереди, большіе—позади.

Судьба воспитанниковъ Академіи была довольно разнообразна. „Совершившіеся въ ученіи“, т. е. окончившіе курсъ ученія, получивши, послѣ публичнаго испытанія, аттестаты со свидѣтельствомъ „искусства ихъ“, поступали, соответственно ближайшему назначенію академическаго образованія, на учительскія должности въ духовно-учебныя заведенія, а также на должности законоучителей и учителей въ свѣтскія учебныя заведенія и на священническія мѣста. Лучшіе изъ нихъ оставались учителями при Академіи, сначала въ низшихъ классахъ, потомъ постепенно переходили въ высшіе классы. Трое изъ окончившихъ курсъ въ казанской Академіи: Петръ Вигиляевскій, Иванъ Дьяконовъ и Веніаминъ Весновскій, вскоре послѣ окончанія курса, были опредѣлены учителями въ Александроневскую Академію: изъ нихъ Вигиляевскій извѣстенъ, какъ составитель учебниковъ: „Краткое географическое обозрѣніе всѣхъ частей свѣта“ (Спб. 1805 г.) и „Опытъ священной географіи съ картами, для употребленія въ духовныхъ училищахъ“ (Спб. 1808 г.). Лучшіе воспитанники риторическаго, философскаго и богословскаго класса были посылаемы для продолженія образованія въ другія учебныя заведенія: въ С.-Петербургскую и Московскую Медико-хирургическія Академіи, въ Педагогическій Институтъ, въ Казанскій Университетъ и, наконецъ, въ С.-Петербургскую и Московскую Академіи, преобразованныя первая—въ 1809 году, вторая—въ 1814 году. Случаи перехода

воспитанниковъ въ Медико-хирургическія Академіи были наиболѣе часты, такъ какъ, во исполненіе Высочайшаго указа отъ 28 августа 1799 г., Св. Синодомъ предписано было Академіямъ и Семинаріямъ безпрятственно увольнять желающихъ поступить въ эти учебныя заведенія. Одинъ изъ такихъ воспитанниковъ, Павелъ Кильдюшевскій, окончившій курсъ въ Московской Медико-хирургической академіи, былъ въ ней профессоромъ. Нѣкоторые воспитанники Академіи поступали въ военную службу; такъ, въ 1808 г. поступилъ въ гусарскій полкъ студентъ философіи Илья Фениксъ (братъ синолога о. І. Бичурина), а въ 1812 г. семь учениковъ шитки, благодаря убѣжденіямъ учителя Сагацкаго, поступили въ Казанское ополченіе; по увольненіи изъ ополченія нѣкоторые изъ нихъ снова учились въ Академіи, а другіе поступили въ духовное званіе. Наконецъ, нѣкоторые академики, по выходѣ изъ Академіи, принимали монашество или переходили на свѣтскую службу, на каковой переходъ, впрочемъ, требовалось разрѣшеніе Св. Синода. Исключенные изъ Академіи опредѣлялись въ послушники, въ писцы, въ канцелярскіе служители и приставы консисторіи и Духовныхъ Правленій, въ причетники и служители Академіи или же назначались къ работамъ въ переплетной, швальнѣ и чеботарнѣ, заведенныхъ при Академіи по распоряженіямъ архіепископовъ Павла Зернова и Амвросія Протасова.

Кругъ дѣятельности Старой Казанской Академіи не ограничивался только воспитаніемъ и обученіемъ ея питомцевъ. На ней лежали заботы о матеріальномъ благосостояніи и учебно-воспитательномъ благоустройствѣ учрежденныхъ въ разныхъ городахъ обширной тогда казанской епархіи русскихъ школъ, преобразованныхъ впослѣдствіи въ приходскія и уѣздныя училища. Заботы Академіи о матеріальномъ благосостояніи этихъ училищъ выражались, во-первыхъ, въ выдачѣ имъ ежегодной субсидіи, по 143 р. на каждое училище, изъ неокладной академической суммы, въ дополненіе къ скудному содержанію, получаемому ими изъ епархіальныхъ источниковъ; во-вторыхъ, въ ревизіи чрезъ каждое полугодіе экономическихъ отчетовъ училищъ; Академія же заботилась и о матеріальномъ обезпеченіи учителей учи-

лицъ. Учебно-воспитательная часть въ училищахъ всецѣло находилась подъ наблюдениемъ Академіи, которая назначала для нихъ начальниковъ и учителей, снабжала училища учебными пособиями и посылала въ нихъ членовъ своей корпораціи ревизорами, а въ 1816—1818 г. вводила въ нихъ въ дѣйствіе уставъ Коммисіи духовныхъ училищъ. Замѣчательна бывшая въ 1817 г. ревизія этихъ училищъ инспекторомъ академіи архим. Израилемъ; при обзорѣ ихъ оны испытывали учениковъ въ знаніи учебныхъ предметовъ, заставляли ихъ пѣть литургію придворнымъ напѣвомъ, разсматривали способы преподаванія учителей и самъ, въ присутствіи послѣднихъ, давалъ примѣрные уроки по разнымъ предметамъ, забывая также о размѣщеніи учениковъ по удобнымъ квартирамъ, въ приличныхъ домахъ: при посѣщеніи Алатырскаго училища, со всѣми учителями и учениками ходилъ въ народное училище, смотрителемъ котораго были показаны имъ приемы преподаванія, практиковавшіеся въ народныхъ училищахъ. Но отношенію къ епархіальному духовенству Академія служила учебно-исправительнымъ учрежденіемъ, такъ какъ на нее было возложено: а) наученіе малограмотныхъ священно - и - церковно-служителей „въ твердость“ чтенію, письму, нотному пѣнію и проч. и б) исправленіе священно - и - церковно-служителей, вообще не отличавшихся благоповеденіемъ, или же виновныхъ въ томъ или иномъ проступкѣ: первыхъ, малограмотныхъ, записывали въ русскую школу при Академіи, а послѣдніе должны были нести въ Академіи обязанности служителей. Начальствующіе и наставники Академіи изъ духовенства принимали участіе въ епархіальномъ управленіи, присутствуя въ консисторіи въ качествѣ ея членовъ, составляли и произносили проповѣди въ кафедральномъ соборѣ и приходскихъ церквахъ, имъ поручалась цензура проповѣдей, составлявшихся приходскими священниками г. Казани, и разсмотрѣніе мелкихъ сочиненій духовнаго содержанія: на префекта Академіи возлагалась обязанность наблюдать за преподаваніемъ Закона Божія въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ и за поведеніемъ законоучителей и присутствовать на частныхъ и публичныхъ гимназическихъ экзаменахъ; нѣкоторымъ наставникамъ Академіи, особенно

изъ священниковъ, поручалось экзаменовывать ставленниковъ; изъ наставниковъ же Академіи назначались катихизаторы, обязанность которыхъ заключалась въ публичномъ объясненіи катихизиса, а потомъ, по распоряженію архіепископа Амвросія Протасова, и избранныхъ мѣсть Свящ. Писанія, по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, предъ литургіей; эти объясненія происходили въ академической церкви, а затѣмъ, когда послѣдняя въ 1815 г. сгорѣла, въ Петропавловскомъ соборѣ и въ Николонисской церкви; предназначавшіеся главнымъ образомъ для учениковъ и студентовъ Академіи, они привлекали немало и постороннихъ слушателей. Наконецъ, Академія была отчасти привлечена и къ миссіонерскому дѣлу. Такъ, въ 1800 г. при ней былъ открытъ съ миссіонерскою цѣлію классъ татарскаго языка, а въ 1803 г. въ ней были переведены катихизисъ, нѣкоторыя молитвы, символъ вѣры и десятословіе на языки татарскій, чувашскій, черемисскій и мордовскій. Переводы эти были сдѣланы по распоряженію архіепископа Серапіона, состоявшемуся по слѣдующему случаю. Въ 1802 г. въ нижегородской губерніи обнаружилось уклоненіе въ магометанство крещеныхъ татаръ нѣсколькихъ деревень; вслѣдствіе этого Св. Синодъ, чтобы дать возможность „новокрещенамъ, обращеннымъ въ вѣру греческаго исповѣданія изъ разныхъ религій, воспользоваться вразумленіемъ и понятіемъ о богопочитаніи и истинномъ познаніи святости христіанской вѣры“, предписалъ архіереямъ одинадцати епархій, въ томъ числѣ и казанской, а также тобольской конеисторіи озаботиться переводомъ, „черезъ кого возможно будетъ“, катихизиса, молитвъ, символа вѣры и десятословія на языки татарскій, мордовскій, чувашскій, черемисскій, вотякскій и корельскій „по обитанію сихъ народовъ во вѣранныхъ имъ епархіяхъ“ и потомъ прислать эти переводы въ Св. Синодъ „неукоснительно“. Приводя въ исполненіе это предписаніе, архіепископъ казанскій Серапіонъ и сдѣлалъ распоряженіе о томъ, чтобы въ Казанской Академіи переведены были катихизисъ, молитвы и пр. на языки татарскій, чувашскій, черемисскій и мордовскій. Но среди академическихъ наставниковъ не было лицъ, знающихъ всѣ эти языки, поэтому академическому начальству пришлось при-

Такимъ образомъ, Старая Казанская Академія просуществовала всего только двадцать лѣтъ; не смотря, однако, на это, она имѣла немаловажное просвѣтительное значеніе, особенно если принять во вниманіе малочисленность бывшихъ у насъ въ то время учебныхъ заведеній. До 1805 г., въ которомъ былъ открытъ Университетъ въ Казани, она была единственнымъ высшимъ учебнымъ заведеніемъ во всемъ огромномъ восточномъ краѣ Россіи. И если въ краткій періодъ своего существованія она не успѣла развить значительной ученой дѣятельности, то учебную дѣятельность за это время она проявила въ очень широкихъ размѣрахъ. Въ стѣнахъ ея ежегодно получали образованіе сотни и иногда тысячи дѣтей и юношей; въ старшіе ея классы присылались завершать свое духовное образованіе воспитанники семинарій изъ другихъ городовъ Казанскаго духовно-учебнаго округа; въ существовавшихъ при ней русскихъ классахъ имѣли возможность пріобрѣтать элементарныя познанія въ духовныхъ и свѣтскихъ наукахъ и тѣ священно- и церковно-служители, которые по той или иной причинѣ лишены были всякаго образованія. Она руководила учебно-воспитательнымъ дѣломъ въ подчиненныхъ ей русскихъ школахъ казанской епархіи и снабжала разными учебными заведеніями наставниками и законоучителями изъ своихъ воспитанниковъ, а казанскую епархію—образованными священниками; она готовила своихъ воспитанниковъ къ поступленію въ другія высшія учебныя заведенія, изъ которыхъ они выходили потомъ полезными дѣятелями на разныхъ поприщахъ служенія Россіи. Для удовлетворенія миссіонерскихъ нуждъ Казанскаго и вообще восточнаго края Россіи она сдѣлала хотя весьма немного, но важно было то, что введеніемъ татарскаго языка въ кругъ предметовъ преподававшихся въ ней, было положено начало академической миссіонерской наукѣ и миссіонерскому переводческому дѣлу, по лучившимъ свое развитіе уже въ Новой Казанской Академіи. Въ частности, по отношенію къ жителямъ Казани просвѣтительное значеніе Старой Академіи выражалось въ томъ, что они слушали живое слово ея катихизаторовъ и проповѣдниковъ, присутствовали, въ лицѣ интеллигентныхъ

своихъ представителей, на публичныхъ академическихъ диспутахъ и черезъ то знакомились съ состояніемъ академической науки и, наконецъ, пользовались книгами существовавшей при Академіи бібліотеки чтенія; эта бібліотека въ то время, т. е. въ первой четверти XIX столѣтія, была, вѣроятно, первою и единственною бібліотекою въ Казани, открытою для пользоваія мѣстной интеллигенціи, такъ какъ вопросъ объ открытіи въ Казани городской, доступной для всѣхъ, бібліотеки возникъ уже позднѣе, въ 1830 г., а самое открытіе ея послѣдовало только въ 1865 г. (П. Пономаревъ, Вопросъ объ открытіи городской публичной бібліотеки въ Казани: „Извѣстія Общества Археологівъ, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ“ т. XII, вып. 6).

Литература. *А. Ав. Благовѣщенскій*: Исторія Старой Казанской Духовной Академіи 1797—1818 г., Казань 1875 (приложеніе къ „Правосл. Собесѣдн.“ за 1875 и 1876 гг.); Исторія Казанской Духовной Семинаріи съ восемью нисшими училищами за XV—XIX стол., Казань 1881 (приложеніе къ „Правосл. Собесѣдн.“ за 1881—1883 гг.), стр. 1—78. † Проф. *И. П. Гвоздевъ*, Двадцатипятилѣтіе Казанской Духовной Академіи: историческая записка въ „Правосл. Собесѣдн.“ 1868 г., III, стр. 200—211. Проф. *П. В. Знаменскій*, Казанская Семинарія въ первое время ея существованія („Правосл. Собесѣдн.“ 1868 г., II, стр. 265—311). *Ан. Можаровскій*, Исторія построенія каменной Семинаріи въ Казани („Правосл. Собесѣдн.“ 1868 г., III, стр. 108—134); Запѣтки по исторіи Казанской Духовной Семинаріи въ первое время ея существованія („Казанскія Губернскія Вѣдом.“ 1868 г. №№ 54, 56, 57, 59—61 и 67); Краткая историческая записка о Казанской Семинаріи за ея полудуравѣковое существованіе, Казань 1869 (то же въ извлеченіи, въ „Православн. Обзорѣн.“ за 1868 г., декабрь, подъ заглавіемъ: Изъ исторіи духовнаго просвѣщенія въ Казанскомъ краѣ); Старая Казанская Академія, Москва 1877 („Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древности Россійскихъ при Московск. Университетѣ“ 1877 г., кн. II). Протоіер. *Н. Каменскій*, нынѣ *Никаноръ*, архіеп. варшавскій, Краткая исторія Казанской Духовной Семинаріи. *Ө. Преображенскій*, Библіотека при Казанской Духовной Семинаріи („Правосл. Собес.“, 1889 г., III, стр. 262—282 и 478—508 и отдѣльн. оттискъ). Проф. *И. М. Покровскій*, Къ столѣтію каедры татарскаго языка въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ г. Казани (1800—1900 гг.) въ „Правосл. Собес.“ 1900 г., I, стр. 576—609 (въ этой статьѣ заклю-

чаются свѣдѣнія объ учителяхъ татарскаго языка свещ. А Троянскомъ). † *Н. И. Ильминскій*, Опыты переложенія христіанскихъ въручительныхъ книгъ на татарскій и другіе инородческіе языки въ началѣ текущаго столѣтія: матеріалъ для исторіи православнаго русскаго миссіонерства, Казань 1883 (приложеніе къ „Правосл. Собес.“ за 1884 и 1885 гг.). Къ литературѣ, касающейся Старой Казанской Академіи, относятся также слѣдующія статьи: † *А. Пр. Щаповъ*, Лука Кошаневичъ, епископъ казанскій („Правосл. Собес.“ 1858 г., II, стр. 564, и III, стр. 232 и 464); Веніаминъ, митрополитъ казанскій („Страникъ“ 1866 г., январь); † проф. *И. А. Чистовичъ*, Амвросій Подобѣдовъ, митрополитъ новгородскій („Страникъ“ 1860 г., май); *Ан. Можаровскій*, Архіепископъ казанскій Павелъ Зерновъ („Русскій Архивъ“ 1886 г., VII); *Ан. Можаровскій*, Преосвященный Амвросій Протасовъ въ Казани („Русск. Старина“ 1883 г., ноябрь). Печатнымъ матеріаломъ для историческаго очерка Старой Казанской Академіи могутъ служить, между прочимъ, слѣдующія статьи, напечатанныя въ „Казанскихъ Извѣстіяхъ“, издававшихся при Казанскомъ Университетѣ съ 1811 по 1821 г.: О публичныхъ торжественныхъ собраніяхъ въ Академіи по окончаніи экзаменовъ (1811 г. № 14; 1813 г. № 27 и 1815 г. № 58); Торжественное молебствіе по случаю разрѣшенія Государя на взятіе 100.000 руб. изъ капитала Комиссіи духовныхъ училищъ на помощь духовнымъ лицамъ и учрежденіямъ, потерпѣвшимъ отъ пожара (1815 г. № 84); О возобновеніи Казанской Академіи послѣ пожара 1815 года (1815 г. № 97); О закладкѣ каменнаго зданія въ Казанской Академіи 10-го іюня (1816 г. № 52); Извѣщеніе академическаго правленія о „публичныхъ изъясненіяхъ Священнаго Писанія и катихизиса въ Петропавловскомъ соборѣ“ по воскреснымъ днямъ (1816 г. № 75); Открытіе Казанской Духовной Семинаріи (1818 г. № 86). Сюда же относятся напечатанныя *Ан. Можаровскій*: а) письма митрополита Амвросія Подобѣдова по дѣламъ Казанской Академіи („Извѣст. по Казанск. Епарх.“ 1872 г. № 8), б) рѣчь на выздоровленіе префекта Казанской Академіи Бориса Поликарпова и рѣчь на погребеніе учителя Академіи П. Милонова („Извѣст. по Казанск. Епарх.“ 1877 г. № 2) и в) рѣчь при открытіи Казанской Духовной Семинаріи 1818 г. — ректора Теофана („Извѣст. по Казанск. Епарх.“ 1879 г. № 19, напечатана также у *А. Благовѣщенскаго* въ Исторіи Казанск. Дух. Семинаріи на стр. 76 и 77). Наконецъ, для характеристикъ поэтическаго творчества представителей Старой Казанской Академіи можетъ служить книга: „Жертва всерадостныхъ чувствованій Его Императорскому Величеству Всепресвѣтѣйшему и Всеми-

достивѣйшему Великому Государю Императору и Самодержцу Всероссийскому Александру I“, „со всеподданѣйшимъ благоговѣніемъ“ принесенная Казанскою Академіей 15 сентября 1801 г. „во всеожиденнѣйшій день торжественнаго вѣчанія и священнѣйшаго муропомазанія Его Императорскаго еличества на Всероссийскій прародительскій Престолъ“ и заключающая въ себѣ оды, мадригалы, дионирамбы, акrostихи, эниграммы, рѣчи, кавты и проч. на русскомъ, латинскомъ, греческомъ, французскомъ, нѣмецкомъ, еврейскомъ, татарскомъ, черемисскомъ, чувашскомъ, вотяцкомъ и мордовскомъ языкахъ (издана въ Москвѣ въ 1801 г.).

П. Вознесенскій.

Казанская Духовная Академія: II — новая см. въ „Энци.“ т. VIII.

Каздоя, св. мученица персидская, IV столѣтія. Дочь царя Сапора II (310—380 г.), — она за исповѣданіе Христа пострадала немного спустя послѣ своего брата Галадея. *Память ея 29 сентября* (Макар. Ч.-Миней; Прологъ.).

Хр. Л.—ст.

Казиміръ — имя нѣсколькихъ польскихъ королевъ.

Казиміръ I — „Возстановитель“, называемый еще цюгда „монахомъ“, „миролюбивымъ“, король польскій изъ династіи Пястовъ, сынъ Мечислава (Мѣшка) II-го и второй жены его Риксы (Рихезы), дочери пфальцграфа рейнскаго Эзона и Матильды, дочери Оттона II. Точныхъ данныхъ о времени рожденія его, равно и о воспитаніи, исторія не сохранила. Большинство историковъ, слѣдуя Длугошу, полагаютъ, что онъ родился 21 іюля 1016 г., а воспитаніе первоначальное получилъ подъ руководствомъ монаховъ и былъ богословски образованъ. Послѣ смерти отца своего Мечислава II († 15 марта 1034 г.) Казиміръ остался несовершеннолѣтнимъ, и именемъ его управляла Польшею Рикса, стремившаяся обуздать произволъ магнатовъ и разнузданность черни, открыто бунтовавшей при Мечиславѣ II. Разумѣется, Рикса встрѣтила неудовольствіе со стороны магнатовъ и черни. Скоро это неудовольствіе перешло въ положительную ненависть со стороны всего народа. Риксу поляки ненавидѣли уже прежде всего потому, что она была нѣмой по происхожденію и еще при мужѣ оказывала большое вниманіе своимъ соотечественникамъ, а сдѣ-

бѣгнуть къ помощи учениковъ, какъ это видно изъ рапорта архіепископа Серапіона Св. Синоду отъ 19 мая 1803 г.; объясняя въ этомъ рапортѣ необходимость провѣрки сдѣланнаго въ Академіи мордовскаго перевода, архіепископъ говоритъ, что „переводъ сей чинимъ былъ учениками нижнихъ классовъ, кои чаятельно и сами порядочно мордовскаго разговора не знаютъ“. Всѣ эти переводы были препровождены въ Св. Синодъ. „По новости дѣла“,—говоритъ Н. И. Ильминскій,—„по епѣшности работы, при отсутствіи знающихъ и опытныхъ руководителей, переводы Казанской Академіи 1803 года вышли всѣ болѣе или менѣе неудачны и по своему характеру и складу разнообразны отъ разности переводчиковъ: но Казанская Академія и въ то время, повидимому, считалась компетентной въ инородческихъ вопросахъ: всѣ ея переводы, и только ея переводы, удостоились напечатанія“. Дѣйствительно, у духовнаго начальства было убѣжденіе, что Казанская Академія, какъ находящаяся въ инородческомъ краѣ, должна была имѣть между своими наставниками и учениками людей, знающихъ инородческіе языки и умѣющихъ переводить на нихъ православныя молитвы и проч.; такъ, епископъ нижегородскій Веніаминъ въ своемъ рапортѣ Св. Синоду отъ 30 ноября 1802 г. за № 211 говорилъ, что „въ казанской губерніи—корень всѣхъ татаръ“, и что онъ надѣется, что „тамошней епархіи у нѣкоторыхъ духовныхъ или въ Академіи имѣются церковныя моленія и другія для татаръ потребности на ихъ языкъ переведенныя“; а Св. Синодъ указомъ отъ 22 января 1803 г. за № 135, между прочимъ, предписалъ казанскому архіепископу, въ случаѣ неимѣнія переводовъ молитвъ и проч. на татарскій языкъ, „употребя къ сему знающихъ оный духовныхъ и Казанской Академіи учителей и учениковъ, велѣть все то перевести съ русскаго на татарскій языкъ“. Такимъ образомъ, уже Старой Казанской Академіи духовнымъ начальствомъ приписывалось миссіонерское значеніе: какъ находившаяся въ краѣ, населенномъ разными инородцами, нетвердыми въ христіанской вѣрѣ или пребывавшими въ магометанствѣ и язычествѣ, она представлялась этому начальству естественною просвѣтительницею ихъ. Но въ своей миссіонерской дѣятель-

ности она ограничилась только вышеупомянутыми (несудачными) переводами катихизиса, молитвъ, символа вѣры и десягословія на языки татарскій, чувашскій, черемисскій и мордовскій, да обученіемъ татарскому языку сравнительно немногихъ изъ своихъ многочисленныхъ питомцевъ, приготовляя изъ нихъ изрѣдка учителей татарскаго языка для семинарій казанскаго духовно-учебнаго округа, а главнымъ образомъ священнослужителей, которые могли бы понимать татарскую рѣчь и учить татаръ истинамъ христіанской вѣры на родномъ имъ татарскомъ нарѣчій; большаго сдѣлать въ этой области Старая Казанская Академія не успѣла.

По плану преобразованія духовно-учебныхъ заведеній, составленному при Императорѣ Александрѣ I, положено было сохранить въ качествѣ высшихъ духовно-учебныхъ заведеній существовавшія тогда четыре Академіи съ ихъ округами, въ томъ числѣ и Казанскую Академію; но этому плану не было суждено вполнѣ осуществиться: Академіи преобразованы были только три—С.-Петербургская, Московская и Кіевская: въ Казанскомъ же духовно-учебномъ округѣ дѣло ограничилось только преобразованиемъ семинарій и училищъ, а преобразование Казанской Академіи по недостатку средствъ было отложено на неопредѣленное время: въ 1818 г. сама она, согласно указу Св. Синода отъ 11 марта и опредѣленію Комиссіи духовныхъ училищъ отъ 29 іюля того же года, была обращена въ преобразованную Семинарію и вмѣстѣ съ Казанскимъ духовно-учебнымъ округомъ подчинена вышнему Правленію Московской Академіи. 21 сентября 1818 г. было закрыто Правленіе Старой Казанской Академіи и вмѣсто него открыто Правленіе Семинарій: открытіе же самой Семинарій состоялось, съ подобающимъ торжествомъ, 20 октября. Во вновь открытой Семинаріи изъ прежнихъ академическихъ начальниковъ и учителей осталось только четверо: ректоръ архимандритъ Теофанъ, учитель еврейскаго языка протоіерей А. Мироносицкій, учитель французскаго языка протоіерей П. Таліевъ и учитель татарскаго языка протоіерей А. Троянскій; остальные наставники, добровольно или поневолѣ, оставили службу въ ней.

**Издательство православной
богословской литературы
“АКСИОН ЭСТИН”
(Санкт-Петербург)**

Книги издательства “Аксион эстин” — это православные исследования, удачно сочетающие высокий научно-академический уровень и доступную форму изложения. Они будут интересны и полезны преподавателям и студентам богословских и гуманитарных ВУЗов, православных духовных академий и семинарий, всем верующим, желающим лучше понять христианское вероучение.

Посетите наш сайт в интернете по адресу:

www.axion-estin.ru

На сайте:

- подробная информация о новоизданных книгах;
- возможность бесплатной загрузки большого количества электронных книг по богословию, библеистике, патрологии, которые легко читать на компьютере или распечатать на принтере;
- возможность заказать книги для доставки по почте (в том числе и электронные книги, которые высылаются на компакт-дисках).

**Ваши вопросы и пожелания направляйте, пожалуйста,
по электронной почте: info@axion-estin.ru**